

Валентин Васильевич Ярмонкин

Письма идеалиста

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я75

Я75 **Ярмонкин В.**
Письма идеалиста / Валентин Васильевич Ярмонкин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 405 с.

ISBN 978-5-521-39805-8

Содержание: "Обломов" - до и послереформенная Россия; Падение дворянства - падение государства; Дворянство - духовный капитал России; Правда о самарском неурожае; Что такое идеал в жизни человека; Необходимость создания в России дворянского сословия; Братья писатели, поэты, художники и артисты!; Слово к читателю; "Прибой". Статуя Адамсона; Посвящается Л.Н. Толстому; Посвящается власти интеллигенции; Л. Толстой как моралист

ISBN 978-5-521-39805-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Не было бы прекраснаго матеріальнаго міра человѣка—его созданія,—если бы не было въ человѣкѣ искры Божіей. Слѣдовательно, вопросъ жизни сводится не къ матеріальному міру, такъ какъ онъ — слѣдствіе, а къ душѣ человѣка, какъ къ причинѣ всего происходящаго и создающагося въ жизни его. Всѣ задачи проповѣдника, политическаго дѣятеля и даже администратора должны стремиться къ улучшенію духовной стороны человѣка, или, лучше сказать, къ его духовному развитію, а съ точки зрѣнія соціальной,—къ созданію такихъ условій общежитія, которыя не мѣшали бы развитію духовнаго «я», т. е. не мѣшали бы искрѣ Божіей горѣть и разгораться ея чистымъ небеснымъ пламенемъ...

Но какъ есть отдѣльная душа человѣка, такъ есть и душа собирательная — душа народная. Въ приближеніи къ высказанному мною представленію о духовномъ солнцѣ, народная мудрость говоритъ, что «гласъ народа—гласъ Божій». Дѣлая логическое умозаключеніе, нужно было бы сказать, что нечего заботиться объ отдѣльной душѣ человѣка, а достаточно было бы подумать о душѣ народной, такъ какъ эта душа уже заключаетъ въ себѣ каждую отдѣльную душу человѣка. Но это было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, если бы прогрессъ человѣческой жизни, начиная отъ ея первобытнаго состоянія, шелъ бы совершенно равномерно для всѣхъ и cadaго. Между тѣмъ жизнь сложились не такъ. Создались вершины, ярко залитыя солнцемъ, создались равнины, находящіяся въ полной тѣни. Свѣтъ золотилъ сперва вершины, а потомъ постепенно переходилъ къ равнинамъ. Снесите вершины, горы, и черезъ это ни на одинъ моментъ ранѣе не появится свѣтъ въ равнинахъ. Разница будетъ только та, что, стоя теперь на равнинахъ и въ тѣни, мы любуемся на вершины, чудесно залитыя солнцемъ, получаемъ представленіе о свѣтѣ, развиваемся въ своихъ понятіяхъ и представленіяхъ и, такимъ образомъ, получаемъ духовное просвѣтленіе. Слѣдовательно, горы и вершины не только законны и естественны, какъ Божье созданіе, но и полезны, такъ какъ служатъ къ просвѣтленію душъ, находящихся въ тѣни. Наконецъ, и пути Божіи — неисповѣдимы. Геній человѣка выражается въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, и потому нельзя подводить подъ одни и тѣ же условія и мужчину, и женщину, и фабричнаго рабочаго, и крестьянина за сохой, и артиста, и художника, и поэта, и дворянина, и купца. Все это люди, но люди разной организаціи отъ

самой природы. У нихъ — разныя наклонности, потребности и стремленія. Отдайте Кесарево — Кесарю и Божіе — Богови. Было бы совершенно несправедливо желать уничтоженія Университета и оставленія однѣхъ народныхъ школъ только потому, что на сторонѣ нуждающихся въ изученіи грамоты приходится одинъ нуждающійся въ высшемъ образованіи. Было бы также несправедливо сказать, что *воспитаннаго* человѣка слѣдуетъ помѣстить подъ одну кровъ съ грубымъ и дикимъ человѣкомъ. Будучи совершенно чуждыми одинъ другому, воспитанный человѣкъ не будетъ ни на одну іоту полезнымъ дикому, а самъ же будетъ безцѣльно страдать и терять все то лучшее въ душѣ, что вложило ему воспитаніе, составляющее иногда результатъ нѣсколькихъ поколѣній. Ставить поэта или художника съ плотникомъ или каменщикомъ въ однѣ и тѣ же жизненные условія — это значитъ не понимать ни принципа свободы, ни задачи прогресса.

Поэтому, останавливаясь на разсмотрѣніи и анализѣ «души народной», необходимо брать ее такъ, какъ она есть, во всемъ ея многообразіи и отвѣтить ей въ томъ же многообразіи. Строить или пропагандировать условія жизни не въ отвѣтъ самой жизни, а по заранѣе созданному «принципу» — это значитъ мнить о себѣ слишкомъ много, значитъ думать, что наше «я» въ своемъ пониманіи выше Бога..

Какъ изучить «душу народную»? Жизнь многомилліоннаго русскаго народа, вслѣдствіе ея глубокаго разнообразія и вслѣдствіе индивидуальности чертъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ семей разныхъ мѣстностей и разныхъ народностей, — чрезвычайно трудна для изученія. Конечно, жить среди народа для изученія его характера, его потребностей и его стремленій — безусловно необходимо. Но схватить народную идею жизни — духъ народный — удается только особымъ, выдающимся людямъ, избраннымъ натурамъ — поэтамъ, художникамъ, романистамъ. Имъ только извѣстна эта тайна схватыванія типическихъ чертъ, созданіе типовъ, въ которыхъ узнаются милліоны людей, ихъ чувствованія, ихъ вѣрованія и ихъ желанія. Вотъ почему для выполненія моей задачи, принятой мною на себя въ этомъ письмѣ, мнѣ необходимо остановиться прежде всего на замѣчательныхъ памятникахъ русской литературы

При этомъ необходимо взять эти памятники непременно изъ недавняго прошлаго, во-первыхъ, потому, что ни одно время и ни одна литература не представляютъ столь замѣчательныхъ писателей, какихъ представляютъ 40-е, 50-е и 60-е года русской жизни, и, во-вторыхъ, потому, что жизнь дореформенной Россіи была вполне опредѣленна по своимъ очертаніямъ и границамъ. Она представляла собою отдѣльныя помѣстья, заключавшія въ себѣ большее или меньшее количество душъ, живущихъ почти совершенно при одинаковыхъ условіяхъ и порядкахъ. Вслѣдствіе этого и формы жизни были гораздо проще, и ихъ было гораздо легче схватить нашимъ бытописцамъ. Такимъ образомъ, чтобы изучить характеръ русскаго народа, намъ нужно обратиться къ Гончарову, Гоголю, Тургеневу, Островскому, Пушкину, Лермонтову и др.

Мы, русскіе, несмотря на нашу вообще сердечность, удивительно неблагодарный народъ!.. Мы словно не сознаемъ всего величія этихъ гениальныхъ представителей русской мысли! Со времени крайняго легкомыслія 60-хъ годовъ, когда съ апломбомъ, достойнымъ лучшей участи, было провозглашено, что «Пушкинъ—дуракъ», а «Шекспиръ—лопухъ», что «мы отрицаемъ все, да и баста», что «земледѣльческую Россію необходимо передѣлать въ фабричную и заводскую» (только потому, что на Западѣ существовали «рабочій вопросъ» и богатая социальная литература, а мы захотѣли сдѣлаться не только нигилистами, но и социалистами) и что, наконецъ, вопросъ о православіи и самодержавіи есть только плодъ нашей недозрѣлости—съ этого времени чудные свѣточы нашей литературы начали блекнуть въ общественномъ самосознаніи... Достаточно вдуматься и всмотрѣться во всю пустоту и пошлость нашихъ газетъ и журналовъ теперешняго времени, чтобы ясно себѣ представить, до чего мы дошли, и до чего мы созрѣли съ тѣхъ поръ, когда волна легкомыслія 60-хъ годовъ начала затапливать и цѣльность, и опредѣленность нашего міровоззрѣнія, и наши чистыя вѣрованія, и чистыя мышленія, и нашъ исторически сложившійся, а потому и зиждившійся на твердыхъ устояхъ, строй жизни. Съ дыханіемъ исторіи, съ естественнымъ ходомъ прогрессивнаго развитія народа, необходимо было, конечно, вливать новыя струи въ жизнь, но сохраняя все то, чѣмъ велика и прекрасна была Россія, а мы, взявъ въ руки чужестранную книгу, начали по ней ломать все направо и налѣво, не разбирая, что хорошо было въ

жизни Россіи и что дурно. Одновременно съ чуднымъ сіяніемъ русской литературы появилась эта удивительная волна легкомыслія, и мы не только съ восторгомъ и изумленіемъ не остановились предъ появившимися колоссами нашей литературы, но многое множество изъ насъ даже не прочли, какъ слѣдуетъ, произведеній нашихъ великихъ людей, а, прочтя кое что и ознакомившись больше по-наслышкѣ, признали свой циклъ образованія въ этомъ отношеніи вполнѣ законченнымъ. Чрезвычайно умные педагоги настоящаго времени кое-какъ пробѣгаютъ русскую литературу предъ своими слушателями, а все знающее теперь чуть-ли не съ пеленокъ молодое поколѣніе слушаетъ, какъ бы отдавая дань необходимости для полученія аттестата зрѣлости и для созиданія черезъ него своей карьеры жизни. Остутѣніе дошло до того, что, какъ мы говорили нѣкоторые болѣе искренніе редакторы, если-бы теперь Тургеневъ принесъ свои «Записки охотника», или Лермонтовъ свою «Вѣтку Палестины», причемъ они не имѣли бы своихъ громкихъ литературныхъ именъ, то ни то, ни другое не было бы напечатано. «Кто-же насъ будетъ тогда читать, и чѣмъ же мы будемъ существовать?»—говорили гг. редакторы... Даже въ психіатрическихъ больницахъ за послѣднія десятилѣтія главенствующимъ типомъ сумасшествія являются помѣшанные на матеріализмъ — на деньги и богатствѣ...

Между тѣмъ что же можетъ быть болѣе величественнаго въ нашей жизни, какъ, на примѣръ, нашъ психологъ бытописецъ и художникъ Гончаровъ и его произведеніе «Обломовъ»? Это произведеніе—величайшая по таланту автора поэма жизни русскаго народа. Въ «Обломовѣ»—вся дореформенная Россія, ждавшая пробужденія. Только теперь намъ, отдаленнымъ на половину столѣтія отъ той эпохи, представляется полная возможность отнестись совершенно объективно къ тому времени, судить это произведеніе и понять, съ какой поразительной глубиной и правдой отразилась въ немъ Россія. Обломовъ—это Россія со всѣми ея хорошими и дурными сторонами. Вчитайтесь въ это произведеніе, вдумайтесь въ Обломова, и вы поймете дореформенную Россію, сумѣете отдѣлать ея хорошія стороны, а главное поймете натуру русскаго человѣка, поймете ту «душу народную», о которой мы говорили въ началѣ этого письма. Когда проникнетесь вы этой идеей и съ этой точки зрѣнія начнете вдумываться въ Обломова, вы полюбите,

глубоко полюбите Россію. Вы увидите истинную Россію, безъ прикрасъ, безъ лживыхъ ученій, безъ чуждой тенденціи, безъ постыдной ломки ея истинныхъ началъ; вы увидите другую Россію, не искалѣченную и не раздираемую матеріально и нравственно, какую мы видимъ теперь... А полюбить Россію слѣдуетъ и притомъ слѣдуетъ ранѣе, чѣмъ ее реформировать. Пусть реформаторъ будетъ гениемъ ума, пусть глаголитъ чуть-ли не ангельскимъ языкомъ, но, не имѣя любви, будетъ «мѣдью звѣнящею и кимваломъ бряцающимъ». Только тотъ отецъ будетъ истиннымъ отцомъ, воспитателемъ и образователемъ своихъ дѣтей, который любитъ ихъ. Необходимъ, безусловно необходимъ умъ, но только окрыляемый и вдохновляемый любовью. Только отъ такого ума и можно ожидать истинно реформаторской дѣятельности и истинно полезныхъ результатовъ этой дѣятельности. Когда не было этой любви, не было этого сердца, вдохновляющаго умъ, то Штольцъ очень скоро обратился въ «жида», и по любвеобильной матушкѣ Россіи, отъ которой истомленный и страдающій Западъ ждалъ новаго слова, ждалъ своего спасенія, пошла возмущающая душу вакханалія спекуляціи, продажности и народнаго грабежа... Раздался крикъ о «свободѣ», и на этотъ крикъ отозвалось все лучшее, все чистое въ Россіи, но только не вслушиваясь и не вдумываясь въ то, кто больше всѣхъ кричитъ о свободѣ, и какіе стимулы дѣйствуютъ въ кричащихъ. Въ первое же 25-лѣтіе оказалось, что подъ этимъ прекраснымъ словомъ, столь лелѣющимъ и ласкающимъ нашъ слухъ, столь возвышающимъ нашъ умъ и наше сердце, скрывались алчные инстинкты эгоизма, скрывалась жажда свободы для эксплуатаціи народа. На мѣсто свободы явилось рабство—не правовое, а социальное—самый ужасный видъ рабства, какой только создавала исторія жизни народовъ. И полилася пѣсня по Руси—«не хочу я *вашей* воли: воля счастья не даетъ». И начались жалобы на Руси и отъ старика, убѣленнаго сѣдиною, и отъ молодого, и отъ дворянина, и отъ крестьянина. Одни только—прямолинейный либераль и «жидъ»,—братски обнявшись, все еще кричатъ о необходимости этой книжной «свободы»...

Обломовъ—совсѣмъ не то, что мы привыкли думать о немъ, и что намъ наговорили о немъ его критики. Въ нашемъ сознаніи Обломовъ представляется *только* въ видѣ «обломовщины», то есть той якобы непробудной лѣни, того отсутствія практичности и дѣло-

витости, которыми отличался Обломовъ, да, кстати сказать, которыми отличались и всѣ выдающіеся натуры дореформенной Россіи, поскольку онѣ выразились въ произведеніяхъ нашихъ великихъ писателей. Но мы словно не замѣчаемъ того, что пишетъ Гончаровъ объ Обломовѣ.

«Ему доступны были, пишетъ Гончаровъ, наслажденія высо-
«кихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ
«скорбей. Онъ горько, въ глубинѣ души, плакалъ въ иную пору
«надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безымен-
«ныя страданія, и тоску, и стремленія куда-то въ даль, туда,
«вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ.
«Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ
«исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ,
«къ разлитому въ міръ злу и разгорится желаніемъ указать чело-
«вѣку на его язвы; и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ
«и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ вырастаютъ
«въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ; задвигаются мускулы
«его, напрягутся жилы, намѣренія преобразуются въ стремленія:
«онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро
«измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до
«половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается
«кругомъ... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ под-
«вигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣд-
«ствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія! Но, смо-
«тришь, промелькнетъ утро, день ужъ клонится къ вечеру, а съ
«нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и
«волненія смирятся въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ,
«кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задум-
«чиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ
«въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, вели-
«колѣпно садящееся за чей-то четырехъ-этажный домъ. И сколько,
«сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!»

Не повтореніе-ли это исторіи Ильи Муромца и вообще всѣхъ русскихъ богатырей, могущихъ послужить дѣлу, да имъ не даютъ этого настоящаго дѣла.

Были ли бы мы удивлены, если бы Айвазовскаго, или Рубинштейна, или Лермонтова, или того же Гончарова помѣстили бы среди каменьщиковъ или плотниковъ, и они оказались бы Обломо-

выми? Нѣтъ, намъ было бы совершенно понятно, что этимъ людямъ нѣтъ дѣла среди каменщиковъ и плотниковъ. Что же тутъ удивительнаго, что Обломовъ былъ весь погруженъ въ «обломовщину?»

«Жить въ обществѣ?» спрашиваетъ Обломовъ. «Хороша жизнь! Чего тамъ искать? *Интересовъ ума, сердца?* Ты посмотри, гдѣ «центръ, около котораго вращается все это; нѣтъ его, нѣтъ ничего «глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, *спящіе люди*, хуже меня, эти члены свѣта и общества!» Да, даже такіе люди, какъ Штольцъ—мертвецы, спящіе люди, сравнительно съ Обломовымъ. Обломовъ заснулъ тѣломъ, а Штольцъ для того, чтобы сдѣлаться Штольцемъ, долженъ былъ сперва заснуть душой.

«Въ Обломовѣ, говоритъ Гончаровъ, было то, что дороже *«всякаго ума: честное, вѣрное сердце!* Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ убитый, разочарованный, «потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни «одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ «нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто «не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него «цѣлый океанъ дряни, зла; пусть весь міръ отравится ядомъ и «пойдетъ на выворотъ—никогда Обломовъ не поклонится идолу «лжи; въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это «хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; *это перлы въ толпѣ!* Его сердце не подкупишь ничѣмъ, на него всюду и «вездѣ можно положиться».

Да, въ сердцѣ Обломова была вся сила. Это сердце—было сердцемъ дореформенной Россіи, сердцемъ дворянской интеллигенціи, высоко развившейся и окрыленной сознаниемъ и образованиемъ. Какъ у Обломова съ тѣхъ поръ, какъ его сердце осиротѣло, наступила *горячка*, наступило начало конца его жизни, такъ и въ той дореформенной русской дворянской средѣ, наступило начало конца ея жизни съ тѣхъ поръ, какъ забыли жизнь сердца и возвели на пьедесталъ книжныя теоріи, когда появилась государственная горячка конца 50-хъ годовъ...

Прочтите вы вновь «Обломова».

«Отчего погибло все?—спросила Ольга.—Кто проклялъ тебя, «Илья? Что ты сдѣлалъ? Ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... «и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу...

— Меня сгубила «обломовщина» — прошепталъ онъ, и горячія слезы закапали изъ его глазъ...

Прочтите дальнѣйшія двѣ странички до словъ — «у него была горячка», — проведите мысленно параллель между Россіей прежней и настоящей и, если вы любите Россію, если душа ваша стремится къ идеаламъ, вы почувствуете невыразимую боль... Вы увидите Россію, стоящую передъ вами, со своими печалами и радостями, со своимъ чуднымъ сердцемъ, съ своей исторической задачей и съ своимъ удивительно прекраснымъ и всеобъемлющимъ стремленіемъ къ духовнымъ идеаламъ! И вы уже съ этой страницы начинаете сознать, какъ постепенно, шагъ за шагомъ, должны погибнуть всѣ лучшія стремленія жизни народной, все то чудное, что таилось въ сердцѣ Россіи...

«Все погрузилось въ сонъ и мракъ около него. Онъ сидѣлъ, опершись на руку, не замѣчалъ мрака, не слышалъ боя часовъ. Умъ его утонулъ въ хаосѣ безобразныхъ, неясныхъ мыслей; онъ неслись, какъ облака въ небѣ, безъ цѣли и безъ связи — онъ не уловилъ ни одной. Сердце было убито»...

Все это потому, что у Ольги не хватило силъ подвинуть Обломова къ дѣятельности, потому что реформаторы Россіи взялись за уничтоженіе Обломова, а нужно было уничтожить только одну обломовщину. Нужно было широко открыть двери для дѣятельности не только Обломова, а не Штольца. Необходима была дѣятельность, озаряемая духовными началами, истинными началами народной жизни. И поднялись бы русскіе богатыри, русскіе Обломовы, и потекла бы жизнь русскаго народа по ея естественному руслу.

Только Ольга — этотъ типъ чудной русской женщины того времени — непосредственностью своего сердечнаго влеченія ощутила то, что она теряла съ отстраненіемъ отъ нея Обломова. Имѣя своимъ мужемъ Штольца уже четыре года, получая отъ него и ласки, и вниманіе, и заботы и даже какъ будто бы любя его, она, неожиданно для самой себя, почувствовала глубокую жалость и къ себѣ, и къ Обломову, что судьба такъ безвозвратно отняла отъ нея сердце Обломова.

— «Что же это? съ ужасомъ думала она: Ужели еще нужно «и можно желать чего нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нѣтъ дороги... Ужели нѣтъ, ужели ты совершила кругъ жизни? «Ужели тутъ все... все»... говорила душа ея и чего-то не дого-

«ворила... и Ольга съ тревогой озиралась вокругъ, не узналъ бы, «не подслушалъ бы кто этого шопота души...» Спрашивала глазами «небо, море, лѣсъ... нигдѣ нѣтъ отвѣта: тамъ даль, глубь и мракъ... «Что же это? съ отчаяніемъ спрашивала она, когда вдругъ становилась скучна, равнодушна ко всему, въ прекрасный, задумчивый вечеръ или за колыбелью, даже среди ласкъ и рѣчей мужа... «Вдругъ какъ будто найдешь на ней что нибудь, какая-то хандра... «ей жизнь покажется... какъ будто не все въ ней есть... все тянетъ ее куда-то еще... Въ ея воспоминаніи вокресло кроткое, «задумчивое лицо Обломова, его нѣжный взглядъ... и ей стало такъ «больно, такъ жаль его»...

Обломовъ былъ тотъ высоко интеллигентный русскій дворянинъ, который, уже вслѣдствіе своего глубокаго развитія, не могъ спокойно и безстрастно проходить мимо явленій жизни и который уже чувствовалъ потребность принять участіе въ ходѣ общественнаго и государственнаго механизма. Эта потребность была уже его натурой, и онъ уже не могъ заниматься только пахотою земли, быть живящимъ дѣльцомъ, какимъ являлся Штольцъ. Его натура влекла его уже къ болѣе широкой дѣятельности—къ общественной и государственной, а стать въ узкія рамки дѣятельности Штольца, т. е. дѣятельности чисто матеріальной, эгонистической, въ заботѣ только о своемъ собственномъ благополучіи—онъ не могъ и умеръ неузнаннымъ великаномъ... Да, невольно сжимается сердце при видѣ той поражающей картины жизни, которую развертываетъ передъ вами Гончаровъ. Вы видите передъ собою Обломова, чловѣка, полнаго силъ и здоровья, съ прекрасной душой, открытымъ добрымъ сердцемъ и съ умомъ, широко охватывающимъ жизненныя явленія. Вы видите и ту среду, которая его окружаетъ—среду мелкихъ и дрянныхъ людшекъ. Вы, наконецъ, чувствуете и ту атмосферу общественной и государственной жизни, которой онъ дышетъ, и въ которой невыносимо душно и тяжело. И вотъ передъ вами раскрывается картина того, какъ этотъ великанъ русской жизни лежитъ неподвижно, не трогаясь съ мѣста, какъ лучъ любви, случайно падающій на него, озаряетъ и его душу, и его сердце и дѣлаетъ ихъ видимыми для насъ, какъ всевозможныя мелочи житейской суеты закрываютъ для него и этотъ послѣдній спасающій лучъ, и какъ, наконецъ, новая гнилая струя жизни создаетъ ему горячку, и онъ начинаетъ окончательно увядать. Его тихое зами-

раніе отъ постигающихъ его ударовъ и затѣмъ смерть производить потрясающее впечатлѣніе... Зачѣмъ прозябалъ этотъ человѣкъ и умеръ, не сказавъ своего слова, не показавъ своей дѣятельности? Отчего въ его жизни не сталъ около его Штольцъ въ видѣ старосты, приказчика и управляющаго его личными дѣлами, а его самого отчего не призвали къ болѣе широкой плодотворной дѣятельности въ жизни народной? Въ этой дѣятельности онъ почувствовалъ бы себя въ своей сферѣ и вложилъ бы въ эту дѣятельность и свою душу, и свое сердце. Но новая гнилая струя теченія общественной мысли внесла въ жизнь народную Штольцевъ, не какъ лучшихъ старостъ, приказчиковъ или управляющихъ, а какъ руководителей народною жизнью. И закатились за горизонтъ великое сердце и широкій умъ русскаго дворянина, и на мѣсто его появился едва обрусѣвшій нѣмецъ Штольцъ съ своей дѣловой горячкой и съ своимъ маленькимъ міровоззрѣніемъ полезности. Въ силу логики событій скоро Штольцъ обратился въ «жида», а русскій крестьянинъ — въ Захара, протягивающаго руку и хрипящаго:

— «Милосердые господа! помогите бѣдному, увѣчному въ тридцати сраженіяхъ, престарѣлому воину»...

Давно уже замѣчено, говоритъ Добролюбовъ, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдали отъ того, что не видѣли цѣли въ жизни и не находили себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ муку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ чемъ представляютъ разительное сходство съ Обломовымъ. Въ самомъ дѣлѣ, раскройте, напримѣръ, «Овѣгина», «Героя нашего времени», «Кто виноватъ», «Рудина» или «Лишняго человѣка», или «Гамлета Щигровскаго уѣзда» — въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами Обломова. «Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее, говоритъ Печоринъ, и спрашиваю себя невольно: затѣмъ я жилъ? для какой цѣли «я родился?.. А, вѣрно, она существовала, и вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы не-«объятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, увлекался при-«манками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я «вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки «пыль благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни»...